

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Фишман Л.Г. Российская государственность: в тени отсроченной революции? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. Т. 17, вып. 3. С. 37–50.

УДК 321

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.3.3750

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: В ТЕНИ ОТСРОЧЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ?¹

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук, профессор РАН,
главный научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: lfishman@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-5062-8291

Материал поступил в редколлегию 15.03.2017 г.

Статья посвящена ответу на вопрос: какую роль играют отсылки к революции в легитимации современного Российского государства? Показано, что, уклоняясь от легитимации себя революциями, оно утверждает себя отсылкой к Современности. Российский политический режим не может себя легитимировать по отдельности ни одной из имевших место в нашей истории социальных революций, равно как и отсылкой к любой из западных революций. Поэтому он должен, при всех реверансах в сторону «духовных скреп», оправдывать себя отсылками к *Современности в целом*. При этом Современность утилитарно понимается как результат частных неполитических революций и применения политических технологий. Кроме того, отсылка к стабильности и традиции сегодня – это все та же замаскированная

¹ Статья подготовлена при поддержке исследовательского проекта ИФИП УрО РАН РАН № 18-6-6-9 «Фундаментальные проблемы правовой и морально-политической регуляции современных обществ в национальном и глобальном аспекте».

отсылка к Современности. Российское государство построено в интересах правящей элиты, которая хотела бы пользоваться благами Современности сама, не заботясь о приобщении к ним большинства. Однако государство, которое хочет имитировать свою идентичность Современности отсылками к частным «малым революциям», сталкивается с тем, что Современность содержит в себе неустранимую отсылку к революции в социальном и политическом смысле, – революции, которая делает достижения частных революций Современности доступными для большинства.

Ключевые слова: Современность, государство, революция, контрреволюция, легитимация, правящая элита.

В данной статье мы попытаемся ответить на вопрос: какую роль играют отсылки к революции в легитимации современного Российского государства?¹ Может показаться, что Российское государство не нуждается в такого рода легитимации, о чем свидетельствует его весьма осторожное, нацеленное на сглаживание острых моментов отношение ко всем имевшим место в нашей истории революциям. Более того, официальная риторика, обличающая «цветные революции» и «майданы» последних лет, откровенно «контрреволюционна». Тем не менее ситуация представляется несколько более сложной. Мы постараемся в дальнейшем показать, что российское государство легитимирует себя таким образом, что чем дальше, тем больше оказывается в тени отсроченной революции.

Закономерен вопрос: насколько актуален концепт революции для легитимации современных государств? Да, многие современные государства возводят себя (именно как современные) к революционным событиям. Но не стали ли теперь сами эти события чистой абстракцией, а отсылка к ним – простым ритуалом? В конце концов, как замечает С.Г. Ильинская, «в современном мире радикально изменились структуры подавления и угнетения, и сегодня мы имеем дело с иным господством, глобального свойства, вследствие чего понятие революции (как легитимное ниспровержение власти народом-сувереном) исчерпало себя, поскольку состоит из сплошных фикций» [Ильинская 2015:78]. Действительно, отсылки к революциям в значительной мере ритуальны. Однако истоки всякой легитимности современных государств восходят **не только к конкретным революционным актам**, но и к общему представлению о **Современности как совокупности результатов разных революций**. Кроме того, ритуальная отсылка к революции становится чем-то большим, когда речь заходит о современных социальных проблемах, кризисах, смене политических режимов и т.д. И уж тем более она актуальна для России, не так давно пережившей что-то вроде революции, по поводу завершенности которой периодически возникают сомнения.

Прежде всего необходимо уточнить, что мы здесь понимаем под «современным государством/государственностью». Его спецификой является ориентация на социальное, экономическое, политическое ре-

¹ Вопрос о том, что правомерно называть революцией, а что нет, давно стал предметом отдельных дискуссий. Поэтому сразу уточним, что здесь мы понимаем под революциями политические перевороты, которые влекут за собой значимые социальные последствия.

гулирование в интересах большинства, что нередко осмысливается как приверженность демократии или устремленность к достижению блага народа. Разумеется, тут можно и нужно привести оговорки насчет того, каким образом понимаются эти интересы, что под ними скрывается, всегда ли они в действительности оказываются интересами именно большинства или же навязаны ему теми социальными группами, которые и в «обществах открытого доступа» обладают несколько более открытым доступом к различным ресурсам, нежели остальные. Также следует отметить, что указанное выше понимание Современности скорее относится к эпохе ее расцвета – 1950–1970-м гг., тогда как в эпоху торжества неолиберальной глобализации многие ее достижения оказались подорваны или поставлены под сомнение. Тем менее формально государства, считающиеся современными, учреждаются и функционируют в интересах большинства – в противном случае они утратили бы львиную долю своей легитимности; все сомнения в их легитимности (выражаемые в категориях кризиса демократии) обычно своим источником имеют подозрение, что государство теперь действует в интересах какого-то меньшинства, а не большинства.

Отсюда вытекает необходимость на символическом и идеологическом уровне обосновывать легитимность государства отсылками к тем событиям и процессам, которые привели к такому пониманию легитимности государства.

В самом общем смысле совокупность этих событий и процессов является Современностью, которая осмысливается как результат наложения друг на друга множества революций – социально-политических и не только.

Начнем с первых.

Всякое современное государство так или иначе легитимирует себя результатами революций – если не пережитых в собственной истории, то чужих. Речь идет о традиции великих буржуазных революций, которые заложили политические и во многом моральные основания того, что называется Современностью. На такой же статус может претендовать и Великая Октябрьская социалистическая революция в той мере, в которой ее результатом стало возникновение советской «незападной модерности» [Эйзенштадт 1999] или «нелиберальной модерности» [Дэвид-Фокс 2016].

Сказанное выше не означает, что всякое современное государство легитимирует себя непосредственно какой-то социальной или политической великой революцией, имевшей место в его истории. Даже там, где такие революции происходили, к ним нередко бывает неоднозначное отношение. Хотя с течением времени и складывается консенсус по отношению к роли революций в возникновении в этих странах «современного государства», способы легитимации последнего отсылают не непосредственно к самим революциям, но, скорее, к их плодам, равно как и к той интеллектуальной (идеологической) парадигме, в рамках которой они были осмыслены (в том числе к таким двойственным «плодам», как национализм и т.д.).

Кроме того, во многих, в частности европейских, государствах своих великих революций не было. На некоторые из них оказали влияние революции

чужие (в первую очередь, Великая Французская), другие обошлись «революциями сверху», встав на догоняющий путь развития, третьи вовсе не знали революций, довольствуясь реформами, и т.д. Характерно, однако, что в парадигме модернизации даже весьма разные пути к Современности: западный («соединение капитализма и парламентской демократии»), фашистский («проходящий в реакционных политических формах») и «коммунистический» – могут определяться как революционные, соответственно как буржуазная, консервативная и крестьянская революции [Мур 2016: 371].

Наконец, легитимация современной государственности не сводится к отсылке только к политическим и социальным революциям и их идеологическим плодам. Современные государства, как ни тавтологично это звучит, находят свои основания ... в Современности, понимаемой как результат наложения друг на друга множества разного рода революций. Как замечает В. Куренной, «буржуазная система приобрела невиданную устойчивость за счет того, что смогла сделать революцию имманентным структурным моментом своего существования» [Куренной 2008: 225]. Совокупность множества революций осмысливается как непрерывная модернизация, которая «...оказывается уже не путем к какому-то (институционально и нормативно) определенному состоянию, признаваемому “полностью современным”, а собственным способом существования Современности – ведь любые институты и воззрения, которые сегодня считаются “фирменным знаком” Современности, могут завтра стать “пределами”, подлежащими преодолению. Но если бесконечная (в условиях Современности) модернизация способна устранять “все застывшие отношения”, перешагивать любые пределы развития, то чем она отличается от “революции”, если ее мыслить “перманентной” и не привязывать “догматически” к событийной форме ее протекания и насильственным методам осуществления? Ничем» [Капустин].

Таким образом, Современность наиболее адекватно может быть осмыслена через понятие революции. «Справедливым является замечание, – пишут М. Одесский и Д. Фельдман, – согласно которому “революцию вполне можно назвать символом новейшей истории, ключевым ее понятием”. В нем находят воплощение как базовые ценности, так и структурные ориентации современности как Modernity. ... Пожалуй, трудно найти контекст, в котором бы не использовалось это слово: политическая революция, духовная революция, культурная революция, научно-техническая революция, сексуальная революция и т.д.» [Одесский, Фельдман 1994: 68]. Список может пополнить множество других революций – гендерная, семейная, военная, промышленная (и не одна, вплоть до «четвертой промышленной революции»), информационная и т.д. Как «тихая революция» интерпретируется и процесс, суть которого, по Р. Инглхарту, заключается в том, что с течением времени в странах Запада число «материалистов» сокращается, а «постматериалистов» – растет [Инглхарт, Вельцель 2011].

С этой точки зрения может показаться, что принадлежность к Современности не имеет прямой связи с дискурсом социальной и политической революции, но не может избежать отсылки к дискурсу революции в целом,

описывающему качественные изменения и скачки в самых разных сферах, которые Современность породили и продолжают порождать ежечасно. Приобщение к Современности тогда выступает как приобщение в первую очередь к плодам всех этих частных революций.

Тем не менее Современность в «неурезанном» виде характеризуется тем, что плоды ее частных революций становятся доступными для большинства, которое этими плодами изначально было несправедливо обделено. Социальные революции являются неустранимой частью Современности, поскольку, как отмечает Д. Голдстоун, они совершаются «во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [Голдстоун 2015: 15]. Это означает, что их идеологические обоснования (демократические, коммунистические и даже, с оговорками, фашистские) могут представляться вторичными по содержанию, что, собственно, и делает возможным наличие вариантов альтернативной модерности. Однако второстепенно только содержание, но не общая установка: тем или иным образом обосновать правомерность доступа большинства к плодам частных революций Современности, равно как и обеспечить функционирование социальных и политических институтов, которые такой доступ гарантируют. Таким образом, «неурезанная» Современность в любом случае представляет собой результат сочетания следствий как частных, так и политических и социальных революций, а современное государство, если оно хочет оставаться таковым, все-таки должно черпать свою легитимность в отсылках к революциям политическим и социальным.

Итак, российский политический режим должен явным или неявным образом легитимировать себя революцией, если он хочет выглядеть современным. Проблема заключается в том, что если речь идет о революциях социально-политических, то с ними у нашего политического режима отношения запутанные и сложные. Та из них, в результате которой после октября 1917 г. возник вариант нашей «современной» (модерновой) государственности и которой наш политический режим во многом наследует, по разным причинам не может быть поднята на щит. С самого начала была отвергнута легитимация путем апелляции к Октябрьской революции, день празднования которой сперва переименовали, а затем и вовсе заменили ее на искусственный праздник 4 ноября.

Революция же 1990-х гг., если судить по итогам, варианта современной государственности не создала¹. Прежде всего, она так и не стала революцией большинства и для большинства. В смысле общей направленности господствовавшего в 1990-е гг. дискурса это была не революция, а нечто обратное

¹ Не у многих поворачивался язык без всяких оговорок описывать события 1990-х как революцию. Больше напрашивались ассоциации с «катастрофой», «травмой» [Тощенко 2015: 49]. Но даже если устами апологетов процессы 1990-х гг. трактовались как революция, то режим, установившийся после нее (с которым мы имеем дело), вызывал у них ассоциации с постреволюционной диктатурой в духе Кромвеля или Наполеона [Стародубовская, Мау 2004]. А у таких диктатур, ориентированных на «порядок» и «стабильность», сложные отношения с революциями, их породившими, поскольку они себя позиционируют скорее через противопоставление революциям, чем черпают в них свою легитимность.

ей. Она позиционировала себя в парадигме риторики возврата на некий магистральный путь истории, риторики разрыва с предыдущим разрывом. Поэтому ее часто описывают как контрреволюцию или реставрацию, даже если и не придерживаются просоветских взглядов. Но реставрацию чего? Явно не отечественной либерально-демократической традиции, которой почти не было, и не порядков дореволюционного времени. Была ли это попытка присоединения к чужой революционной традиции – буржуазно-демократической, европейской и американской? До определенной степени и только вначале. В дальнейшем обострение отношений с Западом, а также борьба с «цветными революциями» свели на нет и это стремление на символическом и идеологическом уровне.

В итоге вместо традиции легитимировать политический и общественный строй отсылкой к социально-политической революции, соответствующей Современности, взамен отсутствующей революции скоро образовалось символически пустое место, которое было заполнено риторикой государственности, державности, бюрократизмом, отчасти советской, отчасти царской символикой и т.д. – все это при сохранении восходящей к Современности конституционной либеральной основы.

При этом периодически говорили о необходимости морального консенсуса в нашем обществе. Сам по себе консенсус пуст, он основан на молчаливом согласии с чем-то. В современном обществе он образовывается на основе согласия с результатами революции и теми ценностными сдвигами, которые она произвела. Морально-политические следствия революции 1917 г. правящая элита по понятным причинам с самого начала не принимала, а 1990-е гг. в этом смысле и сами были пустым местом, отражая скорее моральный коллапс позднего советского общества. Поэтому в нашем обществе, по мере того как были гласно или молчаливо отвергнуты все возможности революционной легитимации существующего порядка вещей, в какой-то степени образовался консенсус, но только негативный. Он заключается в согласии (отчасти вынужденном) на то, что не нужно глубоко, всерьез и последовательно обсуждать вопросы моральной и идеологической легитимности существующего строя. Это прерывается временами в виде инициатив ограничить обсуждение каких-то тем, ввести запреты на какие-то точки зрения, принятием законов, в соответствии с которыми почти все можно объявить экстремизмом и т.д. – в общем, сделать все возможное для того, чтобы пустое место и впредь оставалось пустым.

Чему же тогда соответствует это символически пустое место? Очевидно какой-то версии не-Современности (точнее, не-современного государства) или урезанной современности. Как замечает В.С. Мартыянов, «в интеллектуальном пространстве в интересах действующих элит воскрешается, казалось бы, давно ушедшая в небытие матрица феодализма и патриархальности. ... Это система осуществления власти, контроля территории и ресурсов, предполагающая иерархическую лестницу персональной преданности и неформальных, в том числе родственных, связей малочисленного сословия, резко отделенного от остальной массы населения, но тем не менее отождест-

вляющего свои интересы с государственными, в противовес модернистской политике, где отношения представителей власти достаточно обезличены и формализованы, а полномочия и компетенции элит ограничены, осуществляясь в легальном, рациональном, публичном пространстве» [Мартьянов 2010: 51]. Нарастающее понимание этого отразилось в наших общественных науках, что реализуется в описании российского государства и общества в терминах феодализма [Шляпентох 2008], сословности [Кордонский 2008], патримониальности [Фисун 2010]. При этом, прибегая к феодальным метафорам, «историки все чаще отмечают, что понятие “феодализм” соотносится не столько с конкретными средневековыми реалиями, сколько с общей моделью определенным образом организованных социальных и политических институтов» [Мартьянов, Фишман 2016: 203]. И эти институты однозначно не современные. Последняя из таких метафор – государство-«дворец». В ее свете российское государство описывается как однозначно не обслуживающее нужды всего общества в «буржуазном» (Февральская революция) или «коммунистическом» (Октябрьская революция) формате. Оно даже не «служилое» и потому боится прибегать к мобилизации, которая заставила бы служить «корпорацию» бюрократов-владельцев. С точки зрения И. Глебовой, в течение 1990-х гг. выбор между «дворцом» и «чем-то более современным, адекватным идее государства», был сделан не в пользу последнего [Глебова 2016: 121].

Однако если наше государство – не вполне государство в современном понимании, то закономерно возникает вопрос о необходимости восстановления русской государственности, например путем смены ее культурной парадигмы. Показательно, что такое восстановление связывается с революцией [Пастухов 2009: 133], тогда как государственная политика и поддерживающий ее официальный дискурс характеризуются как явно «контрреволюционные» [Соловей 2016: 153-161].

Избавиться от революции, правда, окончательно невозможно, поскольку сама Современность представляет собой комплекс революционных процессов. Некий набор современных и поэтому восходящих к революции идей сегодня требуется для любого государства, даже не совсем современного – хотя бы для того, чтобы имитировать современность. В этом смысле и вызывающая ассоциации с реставрацией и контрреволюцией революция 1990-х все же не была однозначно пустым местом: риторика возвращения на историческую магистраль во многом выражала стремление вернуться к *Современности вообще*, которая латентным образом включает в себя и революционную составляющую. Выросшая из этой революции политическая элита государства-«дворца», которая испытывает нужду в легитимации *принадлежностью-к-Современности*, «успокаивает» революционную составляющую, смещая акцент на разного рода частные революции.

Может ли быть эффективной такого рода легитимация? В конце концов, для большинства Современность имеет значение именно в потребительски-гедонистическом смысле. И если государство обеспечивает такое приобщение к Современности для большинства, то вопросы идеологии и морали,

связанные с его легитимностью, отступают назад. Такое государство, будучи ориентированным на большинство, все равно современно и основано на революции, как были современны коммунистические режимы и другие варианты «нелиберальной модерности». В принципе, по такому пути не прочь было пойти наше государство, и оно шло по нему в период высоких цен на нефть, но инстинкты и интересы его элиты заставляют ее в любом спорном случае перетягивать одеяло на себя, на сторону «дворца».

Невозможность последовательно легитимировать себя политически-революционным аспектом Современности побуждает использовать отсылки к научным, культурным, инновационным и прочим революциям, определяющим ее облик. Это, правда, не меняет характера нашей государственности, которая уже откровенно цинично действует в интересах меньшинства. Данное меньшинство постоянно рассчитывает на то, что ему удастся безопасным для себя образом утилизировать утопический потенциал некоторых из революций современности, представляя, например, «информационную революцию» как аспект «управленческой идеологии» в парадигме «электронного правительства» [Трахтенберг 2011]. В конечном счете, все это сводится к риторике модернизации – версии революции без революции или перманентной революции, в которой можно участвовать вечно. Такого рода частные революции призваны производить впечатление, что политические и социальные революции и вовсе не нужны. Они очень даже полезны и удобны, их можно присвоить и приватизировать, потребить в буквальном смысле. К революциям такого рода элита может апеллировать без опаски, поскольку они прямо импонируют государству-«дворцу» своими плодами, ценными с гедонистически-потребительской точки зрения. И. Глебова в связи с этим отмечает, что создатели государства-«дворца» придали «творению» новый смысл: это «модернизация быта (за счет заимствования улучшающих его западных технологий) и всеобщее потребление», а также «привлекли еще национализм, призванный заменить советскую идею социальной справедливости и компенсировать великодержавные комплексы» [Глебова 2016: 121].

Проблема заключается в том, что наша элита хотела бы остаться причастной к Современности (модерности) сама, не заботясь о приобщении к ней большинства. Поэтому государство, построенное в интересах элиты, по мере того как исчезает его социальная составляющая, все дальше выходит за пределы Современности, не являясь даже ее альтернативным вариантом. Оно не может в полной мере легитимировать себя ни Февралем, ни Октябрем, ни августом 1991 г., поскольку все эти революции либо затевались ради большинства, либо обещали ему приобщение к плодам Современности – хотя бы в виде «модернизации быта и всеобщего потребления», которые именно для большинства становятся все менее доступными. Показательно и официальное отношение к советскому периоду нашей истории как к времени, когда была создана мощная индустрия, одержаны великие победы и построена великая держава. Социальные достижения советского периода – это можно заключить из некоторых

пассажей Д. Медведева¹ и В. Путина² – уравниваются с плодами частных революций Современности и преподносятся исключительно в качестве «технических» и «бытовых» достижений, могущих «устареть» и быть столь же «технически» замененными новыми, более «современными». «Историческая преемственность», о которой так любят говорить, фактически оказывается преемственностью заменяемых технологий.

Можно сказать, что специфика мировоззрения нашей правящей элиты заключается даже не в том, что она игнорирует социально-политическую составляющую модерности. Нет, она ее не игнорирует, но, по аналогии с отношением к плодам частных революций, видит в ней своего рода «сумму политических технологий». С этой точки зрения и коммунистическая идеология, и либерально-демократическая риторика, и национализм трактуются преимущественно как взаимозаменяемые технологии манипулирования массами, которые, дегуманизируясь, воспринимаются только в виде объекта применения этих технологий. Поэтому и угрожающие политические стратегии и идеи стремятся свести к технологиям, разоблачая таким образом их «истинную» подоплеку, как это делается, к примеру, по отношению к «цветным революциям»³ или «тоталитарным сектам». По-видимому, взгляд потребителя-гедониста из окошка государства-«дворца» способен уловить в Современности только этот ее «технический» аспект и мы в данном случае имеем дело с типичным проявлением «классовой ограниченности».

Иными словами, для элит нашего ограниченно современного государства исключительно важна легитимация Современностью и даже революцией как ее неотъемлемой составляющей. Однако Современность сводится исключительно к «сумме технологий», в том числе политических и социальных – иногда полезных, иногда опасных. Техническое отношение к революционному содержанию Современности заключается в том, что из всей совокупности революций (и не только частных) можно выбрать подходящие и отвергнуть неподходящие. Так же и из всех социально-политических революций можно попытаться выбрать абстрактную «техническую» составляющую Современности и поэтому легитимировать себя всеми имеющимися революциями разом, не присягая в верности ни к одной. При этом, правда, остается риск, что несводимое к техническому аспекту содержание этой Современности рано или поздно вновь станет актуальным. Однако

---

¹ «Мы, современные поколения российского народа, получили большое наследство. Заслуженное, завоеванное, заработанное упорными усилиями наших предшественников. Иногда ценой тяжелых испытаний и действительно страшных жертв. Мы располагаем гигантской территорией, колоссальными природными богатствами, солидным промышленным потенциалом, впечатляющим списком ярких достижений в области науки, техники, образования, искусства, славной историей армии и флота, ядерным оружием» [Медведев].

² «Вы знаете, как я отношусь к развалу Советского Союза. Совсем необязательно было это делать. Можно было провести преобразования, в том числе демократического характера, без этого» [Замахина 2016].

³ Которые описываются в характерном технологическом ключе – как результаты применения новейших информационных технологий («твиттерная», «фейсбучная», «Интернет-революция»).

только в таком виде наша элита способна усвоить Современность и «приватизировать» ее.

Но тогда получается, что эта элита и формирование нужного ей облика государства должна рассматривать как результат применения одной из таких революционных, но обоюдоострых технологий. По сути, если она хочет быть последовательной, она должна и события 1990-х осмысливать как такую же «цветную революцию», которым она оппонирует. Но легитимировать себя отсылкой к «цветной революции» по понятным причинам невозможно. Однако невозможно и полностью отказаться от отсылок к Февралю и Октябрю – хотя бы ради «технической» составляющей олицетворяемой ими Современности.

* * *

Заключая, мы можем сказать, что легитимационные проблемы и сложности, которые возникают у российского государства, когда оно пытается определиться по отношению к революции, связаны не с тем, что оно якобы «контрреволюционно». Наш политический режим скорее не контрреволюционный, а «термидорианский». Он порожден противоречивой революцией 1990-х гг., главным бенефициаром которой стало явное меньшинство, но которая писала на своих знаменах, что хочет приобщить к Современности большинство. В силу этой противоречивости наш политический режим не может себя легитимировать ни одной отдельно взятой из имевших место в нашей истории социальных революций, ни всеми тремя разом, ни отсылкой к западным революциям. Поэтому он должен, при всех реверансах в сторону «духовных скреп», оправдывать себя отсылками к *Современности в целом*, утилитарно понимаемой как результат частных неполитических революций и применения политических технологий. В интересах элит государства-«дворца» – свести Современность только к сумме технологий. Однако тут они наталкиваются на неявные, но существенные ограничения, потому что Современность все же сумма не только технологий и мелких улучшений, но и институтов со всей их морально-политической подоплекой, которые делают эту сумму доступной большинству.

Нынешнее российское государство, оппонируя «майदानам» и «цветным революциям», выступает с точки зрения конституционности, легитимности и законности. Но все эти понятия восходят к постулату о воле народа как высшем и последнем источнике легитимности государственной власти. Сам же этот постулат имеет отчетливый революционный бэкграунд. Политический режим легитимен, если он конституционен. Конституционен он потому, что опирается на народное волеизъявление. Опирается он на народное волеизъявление потому, что народ есть источник всякой власти. А народ есть источник всякой власти потому, что имеет естественное право на свержение негодных ему правителей – на революцию. Круг замыкается, и мы видим, что актуальный контрреволюционный дискурс, призванный убедить всех и каждого в том, что революций на самом деле не бывает, а есть только заговоры и катастрофы, в конечном счете апеллирует к имманентно революционным идеологемам. Впечатление усиливается еще больше,

поскольку вся конспирологическая риторика против «цветных революций» сводится к утверждению, что это ... не настоящие революции, ибо в них задействован не народ, а «агенты влияния». Таким образом, приходится допускать и невольно оправдывать настоящие революции, то есть революции для большинства, чистоту которых официозный «контрреволюционный» дискурс вынужден парадоксальным образом отстаивать.

Тень революции оказывает гораздо большее влияние на обстоятельства самолегитимации российского государства, чем может показаться при поверхностном взгляде. Взгляд этот фокусируется на приемах легитимации посредством отсылки к стабильности и традиции. *Но сегодня такого рода отсылки – это отсылки к постоянно меняющимся представлениям об условиях поддержания стабильности, а также к традиции, корни которой давно уже не лежат в каком-то мифическом «старом порядке», а являются следствиями ряда больших и маленьких революций, плодами осознанного или полуосознанного «изобретения».* Отсылка к стабильности и традиции сегодня – это все та же замаскированная отсылка к Современности, в подоплеке которой обнаруживаются либо революции, либо их следствия, либо реагирование на них, либо стремление упредить их реформами.

Чтобы уклониться от легитимации революцией, наш политический режим пытается найти свои основания непосредственно в Современности. Но государство, которое хочет имитировать свою современность отсылками к частным «малым революциям», сталкивается с тем, что Современность содержит в себе неустранимую отсылку к революции в социальном и политическом смысле – к «большой революции». Перефразируя Бодрийера, можно сказать, что любое современное государство живет отсроченной «большой» революцией – поскольку у него есть механизмы распределения благ частных («малых») революций в пользу большинства. Наше государство в период высоких цен на нефть могло только воображать себя таким же, тогда как в действительности благоприятная экономическая конъюнктура просто компенсировала его сомнительную современность государства для меньшинства. Но чем явственней имитация Современности, тем меньше отсрочка «большой революции» и тем гуще бросаема ею тень.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Глебова И. 2016. «Дворцовое государство» в современной России // Політичні інститути та процеси. № 1 (102). С. 101-127.

Голдстоун Д. 2015. Революции. Очень краткое введение. М. : Изд-во Ин-та Гайдара. 192 с.

Дэвид-Фокс М. 2016. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое лит. обозрение. № 4 (140). С. 19-44.

Замахина Т. 2016. Путин: СССР не надо было разваливать [Электронный ресурс] // Рос. газ. 23 сент. URL: <https://rg.ru/2016/09/23/reg-cfo/putin-sssr-ne-nado-bylo-razvalivat.html> (дата обращения: 13.03.2017).

Ильинская С.Г. 2015. Реквием по революции // Революция как концепт и событие : моногр. / редкол.: А.А. Вартумян, С.Г. Ильинская, М.М. Федорова. М. : Центральное изд-во учеб.-метод. и науч. лит. С. 64-80.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М. : Новое изд-во. 464 с.

Капустин Б.Г. Революция и Современность [Электронный ресурс]. URL: <https://fil.wikireading.ru/53808> (дата обращения: 13.03.2017).

Кордонский С.Г. 2008. Сословная структура постсоветской России. М. : Ин-т Фонда «Обществ. мнение». 216 с.

Куренной В. 2008. Перманентная буржуазная революция // Концепт «революция» в современном политическом дискурсе / под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. СПб. : Алетейя. С. 216-231.

Мартьянов В.С. 2010. Инволюция элиты в обществе модерна // ПОЛИТЭКС : Полит. экспертиза. Т. 6, № 3. С. 34-56.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. (ред.) 2016. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. М. : Полит. энцикл. 334 с.

Медведев Д.А. Россия, вперед! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413> (дата обращения: 13.03.2017).

Мур Б. мл. 2016. Социальные истоки диктатуры и демократии. М. : Изд-во Высш. шк. экономики. 488 с.

Одесский М., Фельдман Д. 1994. Революция как идеологема (к истории формирования) // ОНС : Обществ. науки и современность. № 2. С. 68-77.

Пастухов В.Б. 2009. Медведев и Путин: Двоемыслие как альтернатива двоевластию. Послесловие политического циника к дискуссии о либеральном повороте // ПОЛИС : Полит. исслед. № 6 (114). С. 119-139.

Соловей В.Д. 2016. Revolution! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М. : ЭКСМО. 320 с.

Стародубовская И.В., Мау В.А. 2004. Великие революции: от Кромвеля до Путина. М. : Вагриус. 512 с.

Тощенко Ж.Т. 2015. Фантомы российского общества. М. : Центр социал. прогнозирования и маркетинга. 668 с.

Трахтенберг А.Д. 2011. Электронное правительство: технократическая утопия или востребованная структура? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Вып. 11. С. 253-270.

Фисун А.А. 2010. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Полит. концептология. № 4. С. 158-187.

Шляпентох В. 2008. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М. : Столица-Принт. 367 с.

Эйзенштадт Ш. 1999. Революция и преобразование обществ. М. : Аспект-Пресс. 416 с.

L. Fishman. Rossiyskaya gosudarstvennost': v teni otsrochennoy revolyutsii? [Russian statehood: in shadow of delayed revolution?], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 37-50. (in Russ.).

Leonid G. Fishman, Doctor of Political Sciences, Professor of Russian Academy of Sciences, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: lfishman@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0001-5062-8291

RUSSIAN STATEHOOD: IN SHADOW OF DELAYED REVOLUTION?

Abstract. The article is devoted to the question: what role do references to the revolution play in legitimizing the modern Russian state? The author shows that by evading legitimating oneself by revolutions it legitimizes itself by referring to Modernity. The Russian political regime cannot legitimize itself separately neither by any of the social revolutions that have taken place in our history, nor by a reference to the Western revolutions. Therefore, it must (with all the reverence towards “spiritual bonds”), justify itself with references to “Modernity in general”. At the same time, in utilitarian terms Modernity is the result of private non-political revolutions, and the use of political technologies. Today, the reference to stability and tradition is still the same disguised reference to Modernity. The Russian state is built in the interests of the ruling elite, which itself would like to enjoy benefits of Modernity, not caring about accustoming the majority to these benefits. However, a state that wants to imitate its modernity with references to the domain “small revolutions” faces the fact that Modernity contains an irremovable reference to revolution in the social and political sense – a revolution that makes the achievements of domain revolutions of Modernity available to the majority.

Keywords: Modernity, state, revolution, counterrevolution, legitimation, ruling elite.

References

- David-Fox M. *Modernost' v Rossii i SSSR: otsutstvuyushchaya, obshchaya, al'ternativnaya ili perepletennaya?* [Modernity in Russia and the USSR: absent, General, alternative or twisted?], *Novoe lit. obozrenie*, 2016, no. 4 (140), pp. 19-44. (in Russ.).
- Eisenstadt S. *Revolyutsiya i preobrazovanie obshchestv* [Revolution and the Transformation of Societies], Moscow, Aspekt-Press, 1999, 416 p. (in Russ.).
- Fisun A.A. *K pereosmysleniyu postsovetskoy politiki: neopatrimonial'naya interpretatsiya* [To rethinking post-Soviet politics: neopatrimonial interpretation], *Polit. kontseptologiya*, 2010, no. 4, pp. 158-187. (in Russ.).
- Glebova I. «Dvortsovoe gosudarstvo» v sovremennoy Rossii [«The Palace state» in modern Russia], *Politichni instituti ta protsesi*, 2016, no. 1 (102), pp. 101-127. (in Russ.).
- Goldstone J.A. *Revolyutsii. Ochen' kratkoe vvedenie* [Revolutions. A Very Short Introduction], Moscow, Izd-vo In-ta Gaydara, 2015, 192 p. (in Russ.).
- Il'inskaya S.G. *Rekvem po revolyutsii* [Requiem for revolution], A.A. Vartumyan, S.G. Il'inskaya, M.M. Fedorova (eds.) *Revolyutsiya kak kontsept i sobytie : monogr.*, Moscow, Tsentral'noe izd-vo ucheb.-metod. i nauch. lit., 2015, pp. 64-80. (in Russ.).
- Inglehart R., Welzel C. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence], Moscow, Novoe izd-vo, 2011, 464 p. (in Russ.).
- Kapustin B.G. *Revolyutsiya i Sovremennost'* [The Revolution and Modernity], available at: <https://fil.wikireading.ru/53808> (accessed 13 March 2017). (in Russ.).
- Kordonskiy S.G. *Soslovnaya struktura postsovetskoy Rossii* [Class structure of post-Soviet Russia], Moscow, In-t Fonda «Obshchestv. mnenie», 2008, 216 p. (in Russ.).
- Kurennoy V. *Permanentnaya burzhuaznaya revolyutsiya* [Permanent revolution], L.E. Blyakher, B.V. Mezhuev, A.V. Pavlov (eds.) *Kontsept «revolyutsiya» v sovremennoy politicheskom diskurse*, St. Petersburg, Aleteyya, 2008, pp. 216-231. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Involutsiya elity v obshchestve moderna* [The Involution of the elite in the modern society], *POLITEKS : Polit. ekspertiza*, 2010, vol. 6, no. 3, pp. 34-56. (in Russ.).

Martyanov V.S., Fishman L.G. (red.) *Rossiya v poiskakh ideologii: transformatsiya tsennostnykh regulyatorov sovremennykh obshchestv* [Russia in Search of Ideologies: the Transformation of Value Regulators of Modern Societies], Moscow, Polit. entsikl., 2016, 334 p. (in Russ.).

Medvedev D.A. *Rossiya, vpered!* [Russia, forward!], available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413> (accessed 13 March 2017). (in Russ.).

Moore Barrington Jr. *Sotsial'nye istoki diktatury i demokratii* [Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World], Moscow, Izd-vo Vyssh. shk. ekonomiki, 2016, 488 p. (in Russ.).

Odessky M., Feldman D. *Revolutsiya kak ideologema (k istorii formirovaniya)* [Revolution as ideologue (shaping)], *ONS : Obshchestv. nauki i sovremennost'*, 1994, no. 2, pp. 68-77. (in Russ.).

Pastukhov V.B. *Medvedev i Putin: Dvoemyslie kak al'ternativa dvoevlastiyu. Posleslovie politicheskogo tsinika k diskussii o liberal'nom povorote* [Medvedev and Putin: Doublethink as an alternative to dual power. Epilogue political cynic to the debate about liberal turn], *POLIS : Polit. issled.*, 2009, no. 6 (114), pp. 119-139. (in Russ.).

Shlyapentokh V. *Sovremennaya Rossiya kak feodal'noe obshchestvo. Novyy rakurs postsovetskoy ery* [Contemporary Russia as a feudal society: a new perspective on the post-Soviet era], Moscow, Stolitsa-Print, 2008, 367 p. (in Russ.).

Solovei V.D. *Revolutsiya! Osnovy revolyutsionnoy bor'by v sovremennuyu epokhu* [Revolution! The foundations of the revolutionary struggle in the modern era], Moscow, EKSMO, 2016, 320 p. (in Russ.).

Starodubovskaya I.V., Mau V.A. *Velikie revolyutsii: ot Kromvelya do Putina* [Great revolutions from Cromwell to Putin], Moscow, Vagrius, 2004, 512 p. (in Russ.).

Toshchenko Zh.T. *Fantomy rossiyskogo obshchestva* [Phantoms of Russian society], Moscow, Tsentr sotsial. prognozirovaniya i marketinga, 2015, 668 p. (in Russ.).

Trachtenberg A.D. *Elektronnoe pravitel'stvo: tekhnokraticeskaya utopiya ili vostrebovannaya struktura?* [E-government: technocratic utopia or in demand structure?], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2011, iss. 11, pp. 253-270. (in Russ.).

Zamakhina T. *Putin: SSSR ne nado bylo razvalivat'* [Putin: the Soviet Union did not have to collapse], *Ros. gaz.*, 2016, 23 Sept., available at: <https://rg.ru/2016/09/23/reg-cfo/putin-sssr-ne-nado-bylo-razvalivat.html> (accessed 13 March 2017). (in Russ.).